

Гле отурска.

5
Мочилански М. М.

I.

РЕАБИЛИТАЦІЯ ПУШКИНА.

(Къ характеристикѣ настроенія 90-хъ годовъ).

II.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГАУНТМАНЪ.

БИБЛИОТЕКА

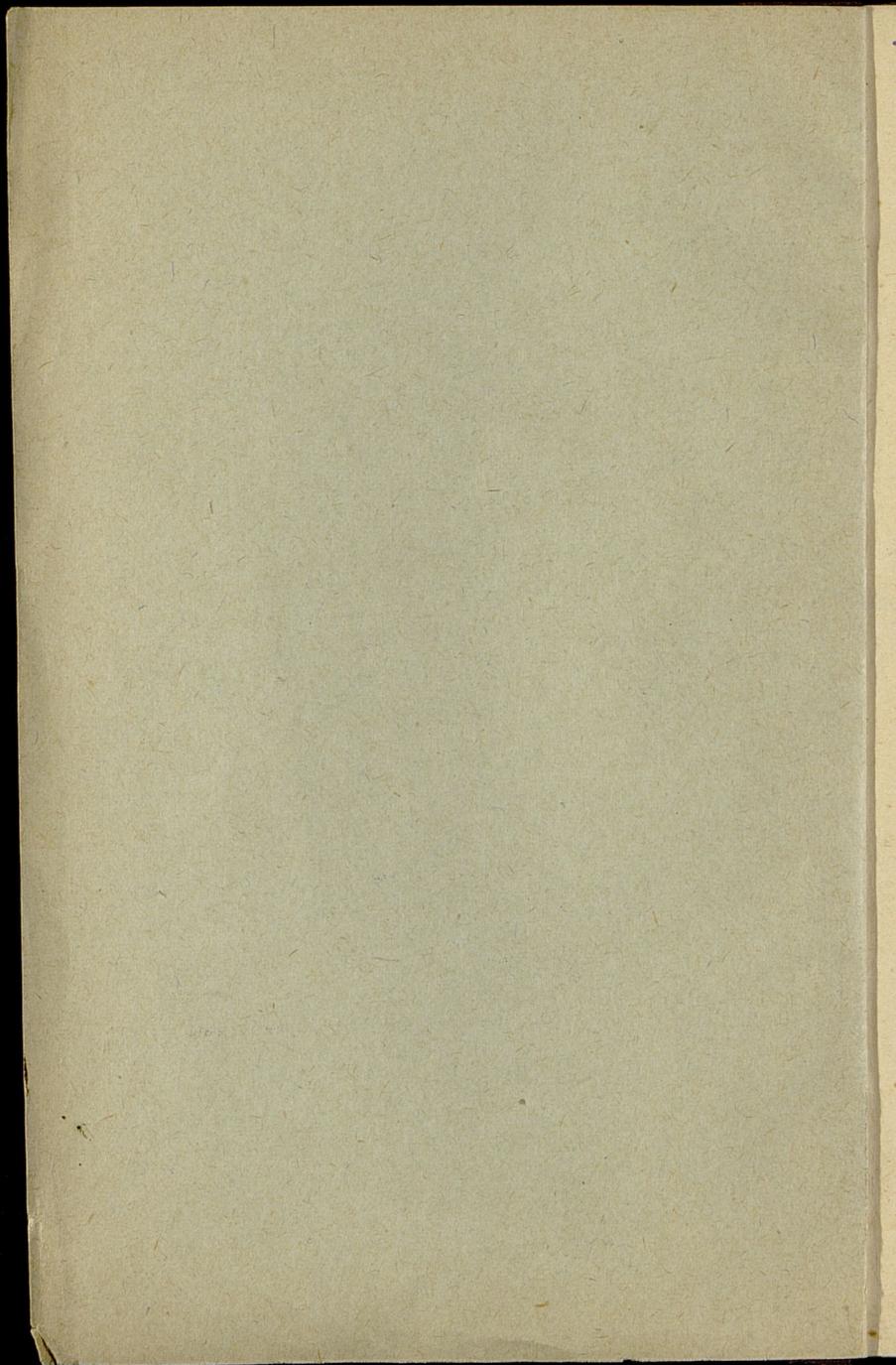
О-ва для достав. средствъ

В. Ж. КУРСАМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Пороховщикова, Бассейная, 3—5.

1901.

И-36921р.

Б. М. Резерв
8.31
N 2

I.

РЕАБИЛИТАЦІЯ ПУШКИНА.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

3229 / Б. М.

Дозволено цензурою Спб. 11 Января 1901 года.

Реабилитація Пушкіна.

Тисяча дев'ятисотимъ годомъ заканчивается девятнадцате столѣтіе и послѣднее десятилѣтіе этого столѣтія — дев'яносте годы. Конечно, въ исторіи жизни человѣчества періоды времени, обозначаемые годами, не имѣють никакого значенія. Но уму человѣческому свойственно останавливаться на этихъ періодахъ, составляющихъ въ счетѣ цѣлую единицу, оглядываться назадъ, подводитъ итоги и характеризовать минувшій періодъ. Оттого-то ежегодно составляются отчеты и въ дѣлахъ государственныхъ, и въ научныхъ трудахъ, и въ трудахъ литературныхъ. Но годъ—періодъ слишкомъ краткій для возможности сдѣлать какія

нибудь широкія обобщенія, для отысканія специфически ему свойственныхъ характерныхъ чертъ. Для этого нужны періоды времени болѣе продолжительные. Избирая предметомъ нашей замѣтки судьбы Пушкинской поэзіи, мы не задаемся громадною задачею прослѣдить эти судьбы до конца столѣтія за все его продолженіе: это значило бы взять темой почти сто лѣтъ нашего литературнаго развитія.

Задача наша гораздо скромнѣе: мы хотимъ разсмотрѣть судьбы Пушкинской поэзіи въ девяностыхъ годахъ, годахъ, на которые пришлось и празднованіе столѣтняго юбилея со дня рожденія нашего величайшаго поэта. Судьбы Пушкинской поэзіи въ этотъ промежутокъ времени вступили въ такую своеобразную фазу, которая, по нашему мнѣнію, стоитъ разсмотрѣнія. Къ тому же разсмотрѣнію этой фазы должно привести къ установленію характерныхъ чертъ умственной жи-

эти девяностых годовъ, должно характеризовать общественное настроеніе этого періода. Эта тема также стоитъ вниманія, такъ какъ до сихъ поръ направленіе общественной мысли, характерное для девяностыхъ годовъ, правильно не оцѣнено и не понято въ нашей литературѣ и до сихъ поръ служить предметомъ злобныхъ нападокъ всѣхъ другихъ направленій и толковъ. И, слѣдуетъ отмѣтить, — направленіе девяностыхъ годовъ лучше понято и оцѣнено, если не въ теоретическомъ, то въ этическомъ содержаніи и практическомъ значеніи, реакціонной, а не прогрессивной печатью. Этимъ и объясняется злобная вражда реакціонной печати къ новому направленію общественной мысли.

Не менѣе злобна вражда къ этому направленію и въ прогрессивной печати: здѣсь новое направленіе объявлено „отказомъ отъ наслѣдства“, не помнящимъ родства, порожденіемъ общественнаго инди-

фферентизма. „Отказъ отъ наслѣдства“—это можно оставить на совѣсти г.г. изобрѣвшихъ его, тѣмъ болѣе, что мы нисколько не сомнѣваемся въ искренности нашихъ противниковъ. Но отсутствіе этого сомнѣнія приводитъ къ печальнымъ выводамъ относительно степени ихъ пониманія общественныхъ явленій. Однимъ изъ обычныхъ приѣмовъ этихъ критиковъ является постановка за одну скобку съ указаннымъ направлениемъ — нитцшеанства, „эстетизма“, декаденства. Едва-ли это удачный полемическій приѣмъ. Мы впрочемъ не знаемъ, насколько, напр., нитцшеанство распространено у насъ: литературныхъ его проявленій было слишкомъ мало. *Но въ идеяхъ недавно скончавшагося философа мы видимъ, конечно, не только достойное презрѣнія, съ чьмъ можно покончить двумя, тремя свысока брошенными фразами. Скажемъ даже,— въ настроеніи его философіи есть*

элементы родственные марксизму.

Если-же мы протестуемъ противъ постановки нитцшеанства за одну скобку съ марксизмомъ, то потому, что настроеніе философіи Нитцше, о которомъ мы говоримъ, не имѣетъ ничего общаго съ обычнымъ представленіемъ нитцшеанства.

Я всегда поклонялся поэзіи Пушкина, сколько себя помню: еще до обученія грамотѣ я уже зналъ многія стихотворенія его наизусть. Однако, ко времени окончанія гимназіи увлеченіе Писаревскими идеями,—въ гимназіи строго запретными, а потому особенно для молодого ума привлекательными—породило въ моей душѣ странную сумятицу. Съ одной стороны я объявлялъ Пушкина пошлякомъ, не стоящимъ вниманія, съ другой стороны не могъ устоять противъ чаръ его поэзіи.

И даже послѣ, когда увлеченіе Писаревымъ прошло и были признаны его ошибки, долго еще не

было у меня теоретической точки зрѣнія, помогающей по достоинству оцѣнить величїе Пушкина. Культъ его поэзіи основывался на чисто непосредственномъ наслажденіи художественными произведеніями. Девяностые годы выработали у меня ту точку зрѣнія, какую я и развиваю въ предлагаемой замѣткѣ.

Пусть-же моя скромная работа будетъ данью моего восторга предъ солнцемъ нашей поэзіи — Пушкинымъ и уваженія къ прогрессивнымъ теченіямъ девяностыхъ годовъ.

Великій поэтъ, который первымъ своимъ правомъ на „памятникъ нерукотворный“ считалъ то, что „чувства добрыя“ онъ лирой пробуждалъ, удостоился въ 1899 г. „всенароднаго“, какъ увѣряли нѣкоторые, чествованія по поводу столѣтней годовщины со дня его рожденія. Вся Россія, говорили намъ, „отпраздновала и отликовала“ столѣтній юбилей Пушкина.

Послѣднее утвержденіе являлось, несомнѣнно, сильно преувеличеннымъ, хватившимъ, что называется, черезъ край. Значительная часть Россіи въ это самое время страдала отъ послѣдствій недорода или, проще говоря, голодала. А „кому же въ умъ пойдетъ на желудокъ пѣть

голодный“ — не то что даже „праздновать и ликовать“? Однако, нельзя отрицать, что съ „внѣшней стороны Пушкинскій праздникъ представилъ изъ себя нѣчто небывалое, невиданное въ нашей общественной жизни. Литературный праздникъ справлялся повсюду“. Отчего же этотъ небывалый въ нашей литературѣ и нашей общественной жизни праздникъ оказался не только „неудавшимся“ праздникомъ по общему признанію прогрессивной журналистики, но еще и послужилъ новымъ поводомъ для проявленія злобныхъ чувствъ „волковъ, шакаловъ и дикихъ кошекъ“ русской печати. Отвѣтъ на первый вопросъ дала пикантная статья г. Пѣшехова „неудавшійся праздникъ,“ *) гдѣ по справедливому выраженію г. Михайловскаго собранъ „цѣлый букетъ нелѣпостей и безобразій,

---

* См. Сборникъ Журнала „Русское Богатство“.

связанныхъ съ Пушкинскимъ юбилеемъ“. На второй вопросъ въ виду щекотливости темы, мы затрудняемся произвести подробный анализъ и можемъ только отвѣчать словами *Читателя* въ „Спб. Вѣдомостяхъ“, сказанными по другому поводу: „*Шакаламъ и дикимъ кошкамъ легко и удобно перекликаются теперь!*“.. Уже значительно послѣ праздника въ „своеобразный букетъ“ вплелъ свой не менѣе „благоухающій цвѣтокъ и г. Буренинъ. Послѣднему издавна принадлежитъ пальма первенства въ кликъ сѣющихъ злобу и чловѣконенавистничество въ нашей литературѣ, или, лучше сказать, въ нашей журналистикѣ. Къ этой-то кликъ и обращался поэтъ, по поводу Пушкинскаго праздника воскликнувшій:

„Оставьте праздникъ *нашъ*. Уродливаго
торга
Не нужно намъ даровъ! Возьмите ихъ
назадъ!

Вамъ чести не купить гримасою восторга,
Съ кадилъницъ дорогихъ у васъ стру-
ится смрадъ!“

И г. Буренинъ имѣлъ смѣлость, или наивность, цитируя это стихотвореніе, не то съ недоумѣніемъ, не то съ негодованіемъ подчеркнуть слово *намъ!* Въдь какихъ „гримась восторга“ ни сдѣлалъбы г. Буренинъ передъ геніемъ Пушкина, передъ „самостоятельнымъ свѣтомъ творчества и мысли“ его, мѣста ему нѣтъ на праздникъ Пушкина, потому что Пушкинъ самъ считалъ важнѣйшею своею заслугой то, что „чувства добрыя“ онъ лирой пробуждалъ, а дѣятельность г. Буренина давно уже имѣетъ противоположное направленіе, украшая страницы „Нового Времени“ и, даже въ этомъ органѣ, выдѣляясь интенсивностью, во всякомъ случаѣ, не добрыхъ чувствъ. Мѣсто г. Буренина несомнѣнно, въ ряду тѣхъ, о комъ тотъ же поэтъ сказалъ:

„И если памятникъ съ подножія крутого
Увидитъ васъ вблизи, и онъ нахмуритъ
бровь

И рана старая въ груди проснется снова
И прямо вамъ въ лицо изъ бронзы брыз-
гнетъ кровь“.

Однако, отмѣчаніе характерныхъ
длянашеговремени чертъ недавняго
Пушкинскаго праздника заводитъ
насъ далеко въ сторону отъ непо-
средственной задачи нашей замѣтки.
„Гримасы восторга“ передъ вели-
чіемъ Пушкина со стороны „шакал-
ловъ, волковъ и дикихъ кошекъ“
никого въ заблужденіе теперь не
введутъ, реабилитировать Пушкина
съ этой стороны не приходится,
хотя не подлежитъ сомнѣнію, что
они, эти „гримасы“ сыграли из-
вестную роль въ той непопуляр-
ности Пушкина, рѣзкимъ выра-
женіемъ которой въ 65 году яви-
лись знаменитыя статьи Писарева
и слѣды которой только въ по-
слѣднее время начинаютъ оконча-
тельно исчезать.

Въ предлагаемой замѣткѣ намъ
хотѣлось бы отмѣтить ту реабили-
тацию Пушкина, которая, несомнѣнно,

совершилась въ общественномъ сознаніи девяностыхъ годовъ, хотя, быть можетъ, и не выразилась еще во всей своей полнотѣ „въ сознаніи литературы“.

Эта реабилитація является однимъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ въ эволюціи общественнаго настроенія девяностыхъ годовъ и, какъ таковая, пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ сугубый интересъ. Съ той точки зрѣнія, на которой стоимъ мы и на борьбу съ которой употреблено столько злобныхъ, но мало успѣшныхъ, усилій со стороны компюта изъ представителей всѣхъ другихъ точекъ зрѣнія, начиная отъ самыхъ радикальныхъ до самыхъ консервативныхъ включительно, — съ нашей точки зрѣнія—*сознаніе литературы является живымъ выразителемъ глубокихъ общественныхъ отношеній, развивающихся на матеріальныхъ условіяхъ общественнаго бытія и отъ нихъ, отъ этихъ матеріаль-*

ныхъ условий, получающихъ свою окраску.

Въ предлагаемой замѣткѣ мы не будемъ анализировать матерьяльной основы тѣхъ литературныхъ и эстетическихъ идей, которыя объясняютъ на нашъ взглядъ реабилитацию Пушкина. *Мы будемъ имѣть дѣло только съ „надстройкой“*, но во избѣжаніе недоразумѣній должны указать на всецѣло раздѣляемое мнѣніе Энгельса, что ошибка часто заключается не въ признаніи роли идеологическихъ факторовъ, а въ томъ, что изслѣдованіе не идетъ глубже до обнаруженія матеріальной основы. Въ приснопамятную эпоху шестидесятыхъ годовъ, когда послѣ освобожденія крестьянъ пульсъ русской жизни забился такъ живо, что оптимистическое настроеніе сдѣлалось доминирующимъ, и нѣсколько позже, когда общественное движеніе ко второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, по выраженію г. Гришевича,

„уже понесло не одну потерю въ борьбѣ съ реакціей“, и оптимистическое настроеніе смѣнились страстно-боевымъ, нельзя было ожидать справедливой, безпристрастной и вѣрной оцѣнки Пушкина. Мы вполне согласны съ г. Гриневичемъ, что статьи Писарева явились лишь преувеличено — рѣзкимъ выраженіемъ того общаго равнодушія, которымъ давно уже пользовалась поэзія Пушкина. Прошло болѣе 30 лѣтъ, въ теченіе которыхъ, по свидѣтельству самого г. Гриневича, нигдѣ не было дано Писареву настоящаго отвѣта по существу. И между тѣмъ, „теперь даже и гимназисты въ состояніи понять: въ чемъ заключалась ошибка Писарева по отношенію къ великому поэту“. Чѣмъ же объяснить это? „Время сдѣлало свое дѣло“, отвѣчаетъ г. Гриневичъ, и мы вполне согласны съ нимъ и въ данномъ случаѣ, но должны объясниться, что понимаемъ подъ этими словами,

такъ какъ въ этомъ отвѣтѣ легко можно уложить весьма различное содержаніе. Объясненіе будетъ нѣсколько пространно, но оно то и составляетъ задачу нашей замѣтки.

Для пополненія ея мы познакомимся съ одною изъ новѣйшихъ попытокъ истолкованія поэзіи Пушкина, отмѣтимъ, что въ этой попыткѣ, съ нашей точки зрѣнія, является ея слабой стороною, и выдвинемъ ту эстетическую точку зрѣнія, съ которой только и возможна правильная оцѣнка художественныхъ явленій вообще и поэзіи Пушкина въ частности. Эта послѣдняя точка зрѣнія и является характерною для общественнаго настроенія девяностыхъ годовъ. Существеннымъ недостаткомъ большинства юбилейныхъ статей о Пушкинѣ является именно отсутствіе правильной эстетической точки зрѣнія. Въ тѣхъ изъ этихъ статей, которыя не ставятъ себѣ задачей дать общую характеристику всей поэзіи

Пушкина и истолковать ея значеніе, подобный недостатокъ не даетъ еще себя чувствовать очень рѣзко, хотя и легко можетъ быть обнаруженъ въ ошибкахъ и промахахъ нѣкоторыхъ сужденій по тому или другому вопросу. Но за то каждая попытка дать хотя бы и „всеисчерпывающую, а только опредѣляющую характеристику поэта“ — при отсутствіи правильной эстетической точки зрѣнія приводитъ къ тому, что цѣль попытки не достигается, никакой опредѣляющей характеристики поэта не получается, значеніе его поэзіи не истолковывается. Все сказанное всецѣло приложимо къ интересной попыткѣ г. Гриневича „дать опредѣляющую характеристику“ Пушкина въ статьѣ „Пѣвецъ гуманной красоты“. *) Г. Гриневичъ самъ резюмируетъ свою статью словами: „гу-

---

*) См. Сборникъ Журнала „Русское Богатство“.

манная красота—вотъ предметъ поэзіи Пушкина“. Несомнѣнно въ поэзіи Пушкина много и гуманности и красоты, а потому и въ подробномъ анализѣ произведеній Пушкина, сдѣланномъ Гриневичемъ, много вѣрнаго. Но, все-же подъ подобнымъ угломъ зрѣнія нельзя дать „опредѣляющей характеристики“ Пушкина, и это сказалось въ статьѣ г. Гриневича. Бѣглость нашей замѣтки не позволяетъ намъ подробно остановиться надъ анализомъ г. Гриневича. Нѣсколькихъ указаній будетъ достаточно для нашей цѣли. Вспомнимъ „драматическіе опыты“ Пушкина—эти шедевры искусства. Читатель, незнакомый съ статьей Гриневича, а ргіюі можетъ сказать, что глубокое содержаніе этихъ высокихъ образцовъ творчества художественнаго гевія не можетъ быть истолковано, если ихъ разсматривать только, какъ произведенія „гуманной красоты“. Хотя г. Гриневичъ и ут-

верждаетъ, что въ „Скупомъ Рыцарѣ“ совершенство сочетанія идеи съ формой не позволяетъ подмѣнить и тѣни морализированія, но, если прислушиваться къ его истолкованію, какъ этого произведенія, такъ и другихъ драматическихъ опытовъ, то въ сущности оказывается, что всѣ они являются „объяснительными картинками къ тексту“. По его мнѣнію, напр. въ сценахъ „Моцартъ и Сальери“ выражена та-же, что и въ „Скупомъ Рыцарѣ“, „идея необходимости разносторонняго и гармоническаго развитія“. Съ „Каменнымъ Гостемъ“ еще того хуже.

О „внутреннемъ смыслѣ“ этой драмы, оказывается, (объяснительная картинка къ тексту: „попранный нравственный идеалъ въ концѣ кощовъ мститъ за себя“) „мы можемъ только догадываться. принимая его, такъ сказать, на вѣру, потому что знаемъ Пушкина во всемъ объемѣ его поэтическаго

творчества; но принадлежи „Каменный Гость“ какому нибудь неизвѣстному въ другихъ отношеніяхъ автору, и онъ казался бы намъ замѣчательнымъ только по необычайной красотѣ стиховъ, отдѣльныхъ сценъ и характеровъ.“

Этого чудовищнаго приговора съ насъ достаточно для того, чтобы сказать, что или съ эстетическимъ чутьемъ, или съ основными, исходными точками зрѣнія критика дѣло не ладно. Но, уже по одному тому, что, взявшись за истолкованіе Пушкина, какъ, „пѣвца гуманной красоты“, нельзя дать анализа высокой художественной красоты тѣхъ пьесъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, приходится заключать о негодности исходныхъ точекъ зрѣнія.

Произведенія искусства подлежатъ оцѣнкѣ эстетической, подлежатъ эстетической (художественной) критикѣ.

Конечно, существуетъ на ряду съ точкой зрѣнія эстетической возмож-

ность и даже необходимость изучать произведенія искусства и съ другихъ точекъ зрѣнія. Такъ напр., произведенія поэзіи подлежатъ изученію съ историко-литературной точки зрѣнія, ибо представляютъ изъ себя прежде всего историческое явленіе. Это изученіе должно выяснитъ условія, повлиявшія дѣятельность ихъ творца; показать, что внесъ онъ новаго въ эволюцію родной литературы, какое вліяніе онъ оказывалъ на духовную жизнь современнаго ему общества, а также, какія вліянія отразились въ его созданіяхъ.

Допускаемъ мы, конечно, и законность такъ называемой общественно публицистической критики, обращающей свое исключительное вниманіе на анализъ идей и общественного значенія поэтическихъ созерцаній. Однако такая критика не должна забывать, что она не исчерпываетъ всего значенія анализируемыхъ явленій и ни въ какомъ,

случаѣ не можетъ дать „опредѣляющей“ ихъ характеристики. Поэтъ не только мыслить образами. Нельзя, значить, дать „опредѣляющей“ характеристики его мышленія, имѣя дѣло только съ содержаніемъ мышленія. Слабая сторона попытки г. Гриневича дать „опредѣляющую характеристику“ поэзіи Пушкина не состоитъ однако въ слишкомъ грубомъ, исключительно публицистическомъ толкованіи ея. Оназначительно тоньше. Г. Гриневичъ попытался дать что то вродѣ синтеза обѣихъ точекъ зрѣнія публицистической и эстетической.

Но въ задачи эстетическаго истолкованія онъ внесъ публицистическія задачи, и отъ этого вся его попытка потерпѣла плачевный крахъ. Г. Гриневичъ думаетъ, что, истолковавши поэзію Пушкина, какъ поэзію „гуманной красоты“, онъ даетъ намъ понятіе и объ общественномъ значеніи ея (гуманность) и объ ея эстетическомъ до-

стоинствѣ (красота). На дѣлѣ же приложеніе аршина „гуманной красоты“ мѣшаетъ ему, какъ мы видѣли, оцѣнить по достоинству лучшія произведенія Пушкинскаго генія. И очень понятно, отчего это происходитъ: можно, конечно, сказать, что гуманность есть красота, но почему красота должна быть гуманна? Вѣдь можетъ быть красота и безъ всякихъ элементовъ гуманности, напр. красота Пушкинскаго „Каменнаго Гостя“. И къ тому же „гуманность—красота“, но не всякое выраженіе гуманной мысли въ поэтическомъ произведеніи красиво, художественно.

Впрочемъ, г. Грицевичъ можетъ сказать, что онъ вовсе не утверждаетъ тождества гуманности и красоты въ поэзіи, а только констатируетъ, что поэзія Пушкина можетъ быть характеризуема, какъ поэзія „гуманной красоты“. Мы уже видѣли, насколько такая характеристика удачна и вѣрна.

Въ указаніи на слабую сторону критики г. Гриневича заключается и указаніе на тотъ, единственно возможный путь, который ведетъ къ правильному пониманію поэзіи Пушкина. „Поэзія есть истина въ формѣ созерцанія... Поэтъ мыслить образами, онъ не доказываетъ истины, а показываетъ ее. Поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя—она сама себѣ цѣль; поэтической образъ не есть что-нибудь внѣшнее для поэта, или второстепенное, не есть средство, а есть цѣль“. Критикъ съ такими эстетическими взглядами долженъ былъ болѣе или менѣе приблизиться къ правильному пониманію внутренняго смысла поэзіи Пушкина. Дѣйствительно, критически прозорливый Бѣлинскій, хотя при подробномъ анализѣ произведеній Пушкина и не выдерживаетъ своей основной точки, формулированной въ приведенныхъ словахъ, но она помогаетъ ему многое вѣрно истолковать въ высоко-художественныхъ

твореніяхъ Пушкинскаго генія.

Такъ напр., оцѣнивая „Каменнаго Гостя“ онъ говоритъ: „въ художественномъ отношеніи „Каменный Гость“ есть лучшее созданіе Пушкина, — а это много, очень много“!

Г. Гриневичъ, желая дать свое истолкованіе поэзіи „гуманной красоты“, расчищаетъ дорогу къ такому истолкованію подробнымъ анализомъ того пониманія поэзіи Пушкина, какое сложилось въ „сознаніи русской литературы“. О критикѣ Бѣлинскаго онъ произноситъ слѣдующій суровый приговоръ: „Въ статьяхъ Бѣлинскаго превосходно отмѣчена органическая связь Пушкина съ предшествующей и послѣдующей литературой, доказана ея историческая необходимость и выяснено историческое значеніе, но анализировать также хорошо внутреннюю красоту и силу Пушкинской поэзіи (взятой независимо отъ ея мѣста въ исторіи литературы)

Бѣлинскій, къ сожалѣнію, не сумѣлъ. Взглядъ его на Пушкина, какъ на поэта, и по существу своему представляется невѣрнымъ“. Бѣлинскій не далъ послѣдовательнаго анализа всей поэзіи Пушкина; не сдѣлалъ, скажемъ мы, пользуясь выраженіемъ г. Гриневича, „опредѣляющей“ ея характеристики, исходя изъ тѣхъ принциповъ эстетическаго кодекса, которые мы привели выше. Но то, что въ его истолкованіи кажется намъ вѣрнымъ, зависитъ именно отъ этихъ, отвергаемыхъ г. Гриневичемъ принциповъ, именно они помогли, напр. Бѣлинскому по достоинству оцѣнить высокую художественную прелесть „Каменнаго Гостя“. Здѣсь не мѣсто останавливаться надъ полнымъ высокаго интереса вопросомъ о томъ, что помѣшало Бѣлинскому быть послѣдовательнымъ и съ совершенно правильной исходной точки зрѣнія сдѣлать оцѣнку любимаго поэта, дать его „опредѣляющую“ характеристику

Не слѣдуетъ только забывать, что у Бѣлинскаго былъ явственный зародышъ тѣхъ идей, которыя однѣ только могутъ освѣтить все богатство внутренняго содержанія, всю необыкновенную глубину художественной красоты поэзіи Пушкина.

Это, несомнѣнно, дѣлаетъ честь геніальности великаго критика. Чего не могъ сдѣлать при всей своей геніальности и критической проницательности Бѣлинскій, того нельзя требовать отъ позднѣйшей критики, не обладавшей въ той же степени этими счастливыми качествами, да и къ тому же развившейся въ обстановкѣ и условіяхъ, совсѣмъ не способствовавшихъ возможности усвоенія правильной точки зрѣнія. Тогда вообще было не до эстетики!..

Г. Гриневичъ, говоря, что время сдѣлало свое дѣло въ открытіи ошибки Писарева по отношенію къ Пушкину, и отвергая исходную точку зрѣнія Бѣлинскаго въ оцѣнкѣ по-

эта, находить, какъ ему кажется, надлежащую точку зрѣнія у Шевырева. Приведа мнѣніе послѣдняго, что „Пушкинъ глубоко понимаетъ тѣсную неразрывную связь изящнаго съ нравственнымъ, особенно въ поэзіи воли человѣческой, въ драмѣ“, г. Гриневичъ пишетъ: „Вотъ точка зрѣнія, на которой слѣдовало бы стоять всеѣмъ критикамъ Пушкинской поэзіи, точка зрѣнія, которая какъ бы напрашивается при чтеніи этихъ удивительныхъ созданій, всегда сочетающихся *изящное съ нравственнымъ*, но которой, къ сожалѣнію, ни одинъ изъ критиковъ (не выключая Бѣлинскаго) не примѣнилъ до сихъ поръ къ анализу Пушкина во всей широтѣ и во всеѣмъ объемѣ“. Мы уже видѣли, къ какимъ результатамъ привело г. Гриневича примѣненіе этой точки зрѣнія „къ анализу Пушкина во всей широтѣ и во всеѣмъ объемѣ“. Здѣсь же мы отмѣчаемъ эту точку зрѣнія съ

другою цѣлью. Намъ кажется, что она не только ошибочна, но что реабилитація Пушкинской поэзіи въ общественномъ сознаніи нашего времени произошла именно вопреки ей, вопреки идеѣ о „сочетаніи изящнаго съ нравственнымъ“. Для девяностыхъ годовъ характерно нѣчто противоположное, а именно, требованіе относительной самостоятельности: какъ для научной мысли, такъ и для художественнаго творчества, въ обѣихъ областяхъ требуется объективная ширь духа, „олимпійство“, способствующее проникновенію въ дѣйствительность и чуждое всякой морализирующей тенденціи, всякому рационализму.

О томъ, что это вовсе не ведетъ къ индиферентизму ни моральному, ни политическому, — объ этомъ надо говорить только въ виду того, что наша критика готова всѣмъ „несогласно мыслящимъ“ приписать всѣ смертные грѣхи, въ томъ числѣ, какъ политическій и соціальный

индиферентизмъ, такъ и аморальность. Поэтъ смотритъ „на свою задачу“, по выраженію Тургенева „глазами поэта“, глазами, ловящими образы и краски. Оттого созданія поэзіи подлежатъ оцѣнкѣ эстетической, а не моральной и политической. И такая точка зрѣнія вовсе не связана съ глухотой и слѣпотой по отношенію къ человѣческому горю и слезамъ, къ его радостямъ и страданіямъ, какъ это думаютъ всѣ сохраняющіе въ душѣ хотѣ отрывки раціонализма и морализирующей тенденціи, и потому провозглашающіе эстетическую точку зрѣнія на произведенія искусства „отказомъ отъ наслѣдства“, пониженіемъ чувства общественности.

Вотъ тѣ основныя точки зрѣнія, которыя, характеризуя общественное настроеніе девяностыхъ годовъ, сдѣлали не только возможнымъ, но и неизбѣжнымъ возвратъ къ Пушкину и его свѣтлой, жизнерадостной, его гениальной поэзіи. Онѣ же

помогли общественному сознанию понять и оцѣнить Пушкина во всей его полнотѣ и дивной красотѣ, а не мѣрять его аршиномъ „гуманной красоты“, или вообще какимъ нибудь аршиномъ. Вотъ что не только облегчило всякому гимназисту понять, въ чемъ заключалась ошибка Писарева по отношенію къ Пушкину, но и открыло дорогу къ правильному пониманію поэзіи Пушкина, а значить, и къ наслажденію ея несравненными красотами.

„Не всѣ вопросы въ мірѣ можно рѣшать съ помощью остроумія и прямолинейной логики здраваго смысла“—говорить г. Гриневичъ по поводу Писаревской критики. Понимать это, конечно, можно и безъ усвоенія тѣхъ точекъ зрѣнія, о которыхъ мы только что говорили. Но одного такого пониманія еще слишкомъ недостаточно для возможности оцѣнить по достоинству высокія качества Пушкинской поэзіи. Условія времени и обстановка обще-

ственной жизни, эксплуатирование теории „искусство для искусства“ въ реакціонныхъ цѣляхъ, ничего общаго не имѣющее съ точкой зрѣнія развиваемой нами, и всѣ тѣ „гримасы восторга“ передъ его гениемъ, со стороны „волковъ и шакаловъ“ печати, о которыхъ мы говорили выше,—все это вмѣстѣ взятое, поддерживало въ молодежи непопулярность Пушкина и его поэзіи. Такое же вліяніе, между прочимъ, имѣла и невѣрная оцѣнка нѣкоторыхъ фактовъ изъ біографіи поэта, основывавшаяся главнымъ образомъ, на недостаточномъ съ ними знакомствѣ. Схоластика въ школьномъ преподаваніи также была не послѣднимъ изъ факторовъ въ созданіи непопулярности Пушкина. Поскольку все это препятствуетъ и нынѣ распространенію правильной эстетической точки зрѣнія, постольку замедляется и усвоеніе правильной оцѣнки Пушкина. Но главное теоретическое

препятствіе къ такой оцѣнкѣ нынѣ устранено подъемомъ общественнаго настроенія девяностыхъ годовъ, сообщеніемъ этому настроенію невиданной у насъ доселѣ широты и свободы духа, а также жизненной бодрости, жизнерадостности. Это настроеніе принципиально враждебно ригористическому аскетизму въ жизни, рационализму и тенденціозной морали въ наукѣ и искусствѣ, словомъ всему тому, что до сихъ поръ значительно обезцвѣчивало нашу жизнь и мѣшало развитію объективной общественной науки. мощному расцвѣту *свѣтлаго*, жизнерадостнаго искусства, мѣшало между прочимъ, и правильной оцѣнкѣ Пушкина.

Однако, не только мостъ черезъ теоретическую пропасть способствовалъ реабилитаціи Пушкина. Бодрая, жизненная, свѣтлая, жизнерадостная поэзія Пушкина отвѣчала бодрому, свѣтлomu, жизненному и, — мы не боимся сказать, жизнерадост-

ному настроенію девяностыхъ годовъ. Да, настроеніе девяностыхъ годовъ было и жизненно и жизнерадостно! Но быть жизнерадостнымъ—не значитъ изгнать изъ души безъ остатка чувства „печали и боли“, беззавѣтной любви и отзывчивости на всякое страданіе; быть жизнерадостнымъ—не значитъ обратить свою жизнь въ „вѣчный праздникъ“ и сплошное наслажденіе, не значитъ закрыть глаза на „вѣчно тревожный и страшный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ“. Нѣтъ, жизнерадостность девяностыхъ годовъ не заключала въ себѣ всего этого, какъ ни стараются въ этомъ убѣдить публику нѣкоторые писатели, воображающіе, что симпатіи къ трудящейся массѣ народной составляютъ ихъ монополію. Жизнерадостность направленія общественной мысли девяностыхъ годовъ происходила, какъ разъ на оборотъ, изъ постановки вопроса о „голодныхъ и раздѣтыхъ“ во главѣ угла всего

зданія. Все же зданіе было счастливымъ сочетаніемъ объективной мысли, любви, справедливости и красоты... Мы должны закончить оговоркой: правильную эстетическую точку зрѣнія, а значить, и правильную оцѣнку Пушкина мы вовсе не считаемъ неизбѣжно и неразрывно связанной исключительно съ направленіемъ общественной мысли девяностыхъ годовъ. Но это направленіе мысли создало обстановку и настроеніе, облегчившія усвоеніе правильной эстетической точки зрѣнія и въ средѣ молодежи, которой обыкновенно всякая объективность кажется холодной, и въ широкихъ кругахъ общества, далеко не равнодушныхъ къ вопросамъ политическаго и соціальнаго бытія.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
О ГАУПТМАНѢ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

Нѣсколько словъ о Гауптманѣ.

Въ юньской книгѣ „Русской Мысли“ за 1898 годъ г. Коробка, заканчивая свою характеристику Апухтина, какъ поэта стоящаго на порогѣ упадка, совершенно неожиданно иллюстрируетъ свое изображеніе упадочника примѣромъ Гауптмана. Хотя г. Коробка при этомъ и оговаривается, что Гауптманъ „одинъ изъ симпатичнѣйшихъ представителей упадка на западѣ“, но для читателя остается неизвѣстнымъ, чѣмъ собственно симпатиченъ Гауптманъ. А между тѣмъ обвиненія очень серьезны: ссылка на Гауптмана слѣдуетъ послѣ та-

кой тирады: „праздный человекъ слишкомъ привыкъ къ культу наслажденій, къ культу своего Я, чужое горе его заставляетъ страдать. но онъ только отворачивается отъ этого горя“. И затѣмъ послѣ постановки пунктовъ обвиненія противъ Гауптмана слѣдуетъ выводъ — „у этихъ людей нѣтъ религій, нѣтъ сердечной святыни“. Гауптманъ всей своей литературной дѣятельностію блистательно опровергаетъ подобные выводы, но въ данномъ случаѣ намъ вовсе не зачѣмъ обращаться ко всей литературной дѣятельности талантливаго и, дѣйствительно, симпатичнаго писателя, такъ какъ весь суровый приговоръ состоялся только на томъ основаніи, что „Гауптманъ въ *Ганнеле* картинахъ горя людского живо оставляетъ грезы и послѣ *Ткачей* переходитъ къ *Затонувшему Колоколу*“. Не говоря уже о томъ, что „Затонувшій Колоколъ“ отдѣленъ отъ „Ткачей“ нѣсколькими

значительными произведеніями, все это обвиненіе является для насъ болѣе чѣмъ страннымъ и, во всякомъ случаѣ, отнодь не дающимъ права дѣлать вышеупомянутые выводы.

Въ „Ганнеле“ Гауптманъ вернулся къ темѣ, уже разработанной въ „Ткачахъ“, т. е. къ жгучему социальному вопросу, но сдѣлалъ это совершенно иначе. Содержаніе „фантастическихъ сценъ“ просто, также проста и не сложна обработка, и все таки, а, можетъ быть, правильнѣе сказать, именно потому „Ганнеле“ въ цѣломъ—прекрасное, высоко художественное произведеніе. При всей простотѣ замысла и выполнения это очень глубокая вещь: это потрясающая картина современныхъ условій жизни, современнаго социальнаго строя, при которыхъ нѣтъ другого выхода изъ грязи и нищеты, кромѣ смерти, для многихъ и многихъ людей. Бѣдной, забитой дѣвочкѣ Ганнеле нужны

только теплая одежда, пища и немножко любви — жизнь отказывает ей въ этомъ, и ранняя, случайная смерть является для нея избавленіемъ отъ ожидавшихъ ее въ будущемъ страданій. Г. Коробка недоволенъ тѣмъ, что въ „Ганнеле“ картинамъ горя людского противопоставлены грезы. Но это чистое недоразумѣніе, въ которомъ меньше всего виновенъ Гауптманъ. Противопоставлены грезы — чьи грезы? Да, вѣдь, все дѣйствіе пьесы заключается въ изображеніи грезъ, бреда умирающей бѣдняжки Ганнеле. Вся трагедія раскрывается именно въ этихъ видѣніяхъ умирающей. Если появленію дѣвочки на сценѣ предшествуетъ картинка ужасной жизни обитателей нѣчлежнаго пріюта, то зритель только сразу начинает по достоинству цѣнить случайное счастье Ганнеле — смерть. Не будь этой смерти — вотъ картина будущности несчастной дѣвочки. Ничего, рѣшительно и абсолютно ничего

мистическаго, а тѣмъ болѣе символическаго и декадентскаго нѣтъ въ видѣніяхъ умирающей Ганнеле. Въ этихъ видѣніяхъ дѣйствительная жизнь и ея впечатлѣнія переплетены съ наивными представленіями о смерти и загробной жизни. Во всемъ, что мы видимъ на сценѣ, открывается внутренній міръ дѣвочки. Хрупкая, истощенная и забитая дѣвочка съ идеальными стремленіями, съ любовью къ церкви и Христу живетъ въ той тяжелой обстановкѣ дѣйствительности, понятіе о которой даетъ сценка изъ жизни обитателей пріюта и первое видѣніе— фигура пьянаго, бранящагося каменщика — ея вотчина Маттерна. Дѣвочка лишена всего самаго необходимаго въ жизни, а ей такъ мало надо: хлѣба, молока, одежды, тепла и свѣта. И сколько ихъ несчастныхъ, безвѣстныхъ Ганнеле, лишенныхъ всего этого! Все это обѣщаютъ ей ангелы. Весь характеръ видѣній, содержаніе ихъ—

такъ понятны для зрителя и по своему происхожденію. Христосъ, являющійся Ганнеле, имѣетъ лице учителя Готвальда, человѣка, внесшаго хоть немного свѣта въ мрачную жизнь дѣвочки. Представленія о раѣ и загробной жизни связываются съ мечтами о бѣломъ шелковомъ платьѣ, съ мыслями о томъ, что она Ганнеле—дочь богатаго, знатнаго графа. (Извѣстно, что молва называла отцомъ дѣвочки бургомистра, первое лицо въ деревнѣ, и мальчики часто дразнили ее „принцессой въ лохмотьяхъ“). Ангелы и Христосъ обращаются къ ней съ торжественными, величественными словами, напоминающими то, что дѣвочка не разъ слышала въ церкви. Ганнеле была дѣвочка съ идеальными стремленіями, получившими извѣстное удовлетвореніе въ религіи и ея обрядахъ. Она благоговѣйно любила Христа, который для нея является покровителемъ всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ, та-

кихъ какъ и она сама. Христосъ-объщаетъ всѣмъ кроткимъ и угнетеннымъ, бѣднымъ и обездоленнымъ въ земной жизни — вознагражденіе въ будущей — царствіе небесное. Если къ представленіямъ объ этомъ царствѣ для бѣдной дѣвочки присоединяются мечты о хлѣбѣ, молокѣ, одеждѣ и т. п., — то это только подчеркиваетъ то, что дѣвочка была лишена въ жизни самаго необходимаго.

И это особенно подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на зрителя. Генезисъ всѣхъ видѣній Ганнеле нагляднымъ образомъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что Гауптманъ остался въ этомъ произведеніи тѣмъ реалистомъ до глубины души, какимъ мы знали его и раньше. О „Ткачахъ“ мы не будемъ говорить, такъ какъ о нихъ ничего не говоритъ и г. Коробка, и онъ ставитъ „Ткачей“, очевидно, достаточно высоко, такъ какъ въ переходѣ отъ „Ткачей“ къ „За-

тонувшему Колоколу“ видеть обстоятельство компрометирующее автора. Неужели однако и „Ткачи“ не препятствуют г. Коробкѣ изрѣчь свой суровый приговоръ: нѣтъ „религіи“, нѣтъ „святыни сердца“. Строгъ, очень строгъ г. Коробка, только едва ли справедливъ...

„Затонувшій Колоколь“ ожесточенно ругали и неумѣренно хвалили, спорили о смыслѣ образовъ этой поэтической драмы-сказки, ставили по поводу ея вопросъ о символизмѣ въ искусствѣ. Можно такъ или иначе относиться къ тѣмъ приѣмамъ творчества, къ которымъ прибѣгаетъ Гауптманъ въ этомъ произведеніи, можно считать, что образы, созданные фантазіей поэта туманны, непонятны, но нельзя отрицать въ сказкѣ-драмѣ глубокой, вдумчивой мысли, серьезнаго настроенія. Пусть для нѣкоторыхъ спорны намѣренія, задачи художника, пусть для нѣкоторыхъ не-удовлетворительно рѣшеніе постав-

ленныхъ проблемъ, туманна самая ихъ постановка, обо всемъ этомъ можно спорить, но нельзя вѣдь считать все произведеніе праздною забавой, игрою фантазіи человѣка, отворачивающагося отъ людскаго горя и среди слезъ и крови развлекающагося „красивыми вымыслами“. Нельзя потому, что вопросы о роли личности, о героизмѣ, индивидуализмѣ, стремленіи къ идеалу и жертвѣ всеѣмъ личнымъ на пути этого стремленія, объ отношеніи массы къ идейному работнику и многіе другіе одинаковой важности вопросы, поставленные и такъ или иначе разрѣшенные въ „Затонувшемъ Колоколѣ“, принадлежать къ серьезнымъ проблемамъ, занимающимъ человѣчество. Если уже и послѣ „Ткачей“ и „Ганнеле“ мнѣніе критика, полагавашаго, что „пульсъ артистическаго темперамента Гауптмана бьется въ тактъ съ пульсомъ живыхъ элементовъ его родины“, надо было расширить,

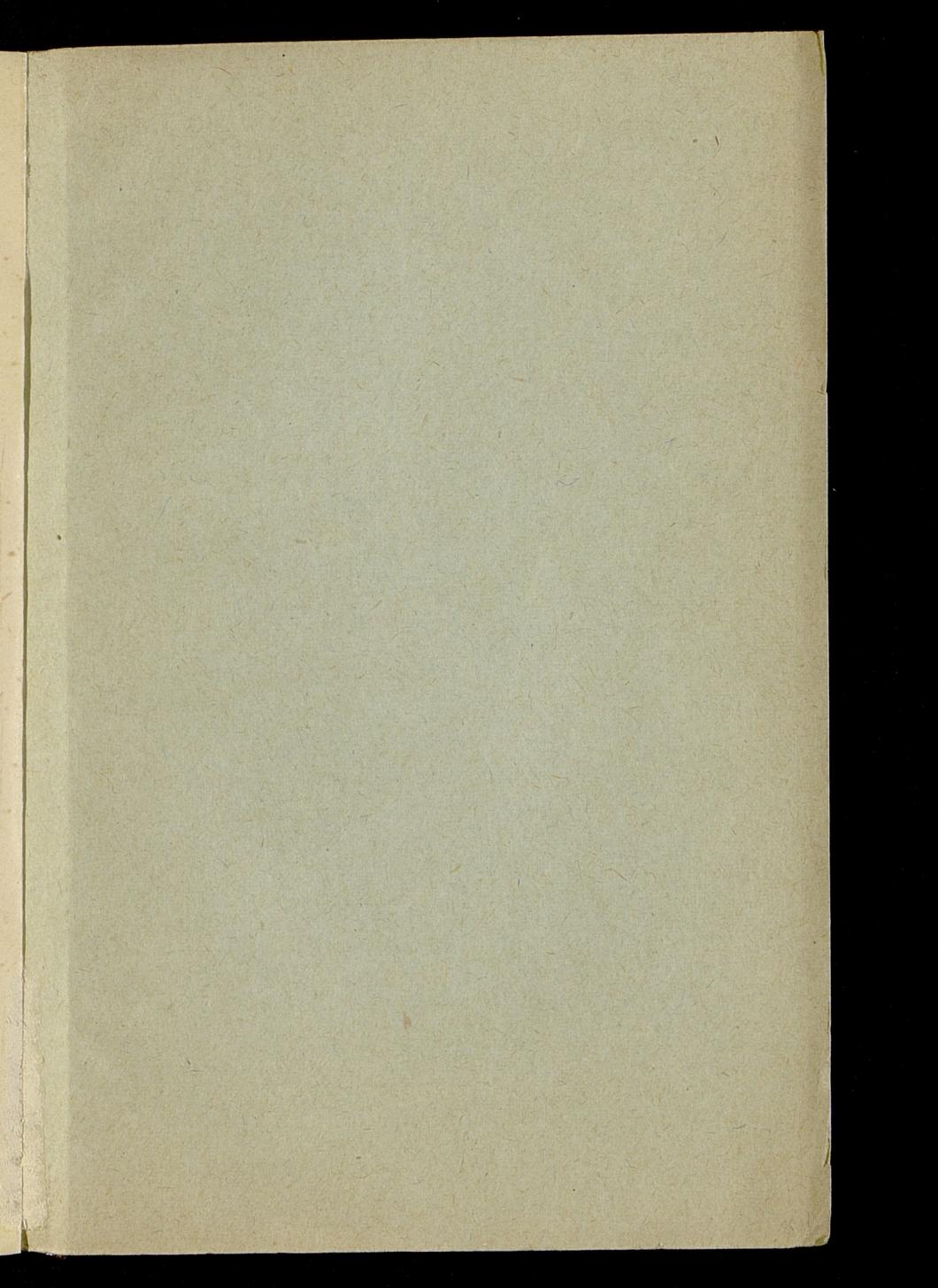
указавъ на то, что и пульсъ живыхъ элементовъ всего цивилизованнаго человѣчества бьется тѣмъ же тактомъ, то съ тѣмъ большимъ правомъ надо сдѣлать это послѣ „Затонушаго Колокола“. Бываютъ разные цѣнители. Одинъ рецензентъ рассказываетъ („Русскія Вѣдомости“ № 298 за 1898 г.): «Недавно я былъ съ одной интеллигентной дамой въ театрѣ на представленіи „Потонушаго Колокола“. Въ отвѣтъ на мои восторги собесѣдница замѣтила мнѣ при выходѣ изъ театра: „А всетаки я не знаю, какая-же мораль пьесы? Что здѣсь проповѣдуется: законная любовь или... „лирическія отступленія“?...» Слѣдуетъ-ли изъ этого, что „Потонувшій Колоколъ“ долженъ быть снятъ съ репертуара? Конечно, не слѣдуетъ — думаемъ мы, точно такъ же какъ на томъ основаніи, что г. Коробка такъ сурово осудилъ „Затонувшій Колоколъ“, не слѣдуютъ тѣ выводы о Гауптманѣ,

которые онъ дѣлаеть. Если же принять во вниманіе, что такой суровый судъ произведенъ мимоходомъ, въ нѣсколькихъ случайно брошенныхъ словахъ,—то мы должны будемъ признать его крайне легкомысленнымъ. Гауптманъ большой художникъ и очень вдумчивый писатель и заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Обвинять же его, да еще въ такихъ тяжкихъ прегрѣшеніяхъ (нѣтъ „религіи“, нѣтъ „сердечной святыни“), слѣдуетъ съ большею доказательностію, если это только возможно въ данномъ случаѣ.

всего, что касается до содержания
Домашней книги, то она должна
содержать в себе все, что касается
до содержания, и не должно
быть никаких других вещей, и
ничего, что не относится к
содержанию. И потому, если
какая-нибудь вещь, которая
не относится к содержанию,
будет в Домашней книге,
то она должна быть вычеркнута,
и не должно быть никаких
других вещей, и ничего,
что не относится к содержанию.
И потому, если какая-нибудь
вещь, которая не относится
к содержанию, будет в
Домашней книге, то она
должна быть вычеркнута,
и не должно быть никаких
других вещей, и ничего,
что не относится к содержанию.

010

II-36921p.

Цѣна 25 коп.

- М. М. Три стихотворенія въ прозѣ СПБ. 95 г. II. 15 к.
М. М. Поэзія Надсона СПБ. 97 г. . . . . „ 15 „
М. М. Стихотворенія СПБ. 97 г. . . . . „ 40 „
М. М. Критическія наброски. СПБ. . . . . „ 25 „